
СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

SOCIOLOGY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 131—155.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 131—155.

Научная статья

УДК 323.329:94(47+57)"1920"

EDN <https://elibrary.ru/mfnmkc>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.7

Научная специальность ВАК
5.4.5. Политическая социология
5.6.1. Отечественная история

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ 1922 ГОДА

Наталья Анатольевна Хлопаева

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского (Академия Достоевского), Санкт-Петербург,
Россия, hlopaeva@gmail.com, SPIN-код: 7757-6195,
<https://orcid.org/0009-0005-7976-6854>

Мария Евгеньевна Хлопаева

Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации, Москва, Россия, mhlopaeva@ya.ru,
SPIN-код: 9065-8978, <https://orcid.org/0009-0001-0250-5147>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования коммуникационной стратегии большевиков в их взаимодействии с интеллигенцией в 1922 году. Количественный и качественный анализ содержания релевантных материалов советской прессы, опубликованных в течение указанного года, позволил проследить формирование и эволюцию стратегии на обширном иллюстративном материале, определить соотношение оценок деятельности представителей интеллигенции, выявить наиболее часто затрагиваемые в медиаполе темы, семантическое ядро медиатекстов. По

результатам исследования представлены выводы: негативные оценки в публикациях преобладают — 52 %; доля нейтральных оценок составляет 28 %, положительных — 20 %. Главными темами, в контексте которых упоминается взаимодействие власти и интеллигенции, являются «Образование и наука», «Русская эмиграция», «Литература и искусство», «Процесс над эсерами». Коммуникационная стратегия советской властной элиты, отраженная в материалах прессы, характеризуется как наступательная в кризисных условиях. Это стратегия убеждения, на разных стадиях побуждающая читателя к анализу аргументов, к выводам и действиям. Стратегической целью является победа в борьбе за прочную легитимную власть.

Конфликт власти и интеллигенции в зеркале советской печати представлен не только как идеологическое противостояние, но и как борьба поколенческая, между старым, сложным, неоднозначным, меланхоличным, медленным, с одной стороны, и молодым, доступным, понятным, оптимистичным и энергичным, с другой. Реализация коммуникационной стратегии способствует укреплению легитимности и справедливости решений советской власти в восприятии своих граждан, а также для зарубежной аудитории, развитие экономических связей с которой является одной из приоритетных задач большевиков.

Ключевые слова: власть, интеллигенция, философский пароход, высылка, СМИ, пресса, медиа, медиаисследования, коммуникационная стратегия

Для цитирования: *Хлопаева Н. А., Хлопаева М. Е.* Власть и интеллигенция: реконструкция коммуникационной стратегии по материалам советской прессы 1922 года // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 131—155.

Original article

TOWARD AN UNDERSTANDING OF BOLSHEVIKS — INTELLIGENTSIA COMMUNICATION STRATEGY (BASED ON THE SOVIET PRESS MATERIALS OF THE 1922)

Natalya A. Khlopaeva

Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (Dostoevsky Academy), Saint Petersburg, Russia, hlopaeva@gmail.com,
SPIN-код: 7757-6195, <https://orcid.org/0009-0005-7976-6854>

Maria E. Khlopaeva

The State Duma, The Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow) Moscow, Russia, mhlopaeva@ya.ru, SPIN-код: 9065-8978, <https://orcid.org/0009-0001-0250-5147>

Abstract. The article presents some results of the study of the Soviet Press representation of “Bolsheviks—Intelligentsia” Communication Strategy. The goal of media investigation was to characterize the evolution of communication strategy; to determine the tone of media coverage; to classify the themes which are covered widely across the media; to examine the context in which “Bolsheviks—Intelligentsia” is referred to most often. Based on the quantitative and qualitative analyses of Soviet Press articles in 1922, this study has revealed that: media articles portrayed Intelligentsia negatively (52 %), neutrally (28 %), positively (20 %). The thematic analysis reveals that “Bolsheviks—Intelligentsia” — related news articles are generally framed via three main themes: “Science & Education”, “White Emigrants”, “Art & Literature” and «Trial of the Socialist Revolutionaries». Communication Strategy of the Bolshevik Party is offensive Strategy in the Context of Crisis. It is also Persuasion Strategy aimed at convincing an audience to think analytically about the arguments in the news articles. The Strategic Goal is stable legitimate Power. «Bolsheviks—Intelligentsia» conflict in press is not only ideological confrontation, but also generational conflict referred to a strong disagreement between old and young, ambiguous and clear, melancholic and optimistic, slow and agile. The implementation of a communication strategy contributes to strengthening the legitimacy and fairness of Soviet government decisions among its citizens, as well as for a foreign audience, developing economic ties with the latter being a Bolshevik priority.

Keywords: Bolsheviks, Intelligentsia, Philosophers’ Ship, deportation, mass media, periodicals, media representation, media research, communication strategy

For citation: Khlopaeva, N. A. and Khlopaeva, M. E. (2025), ‘Toward an understanding of bolsheviks — intelligentsia communication strategy (based on the Soviet press materials of the 1922)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 131—155 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В 1922 году Советская Республика готовилась к пятой годовщине Октябрьской революции. Продолжалась Гражданская война, формирования белогвардейцев оставались угрозой территориальной целостности РСФСР, голод в десятках регионов повлек миллионные жертвы и вспышки крестьянских восстаний. «Экзамен» международного признания республики, в определенной мере выдержанный на Генуэзской конференции, не способствовал полному преодолению дипломатической изоляции. Новая экономическая политика трактовалась политическими

оппонентами как капитуляция большевиков. В столь сложных условиях советское руководство определяло приоритеты внутренней политики: в их числе борьба за идеологию и культуру, нейтрализация политических соперников, реформирование системы образования, дальнейшее внедрение рабочих факультетов, «завоевание науки» как орудия для достижения социальных задач.

Интеллигенция могла как помочь в реализации этих целей, так и препятствовать им. Власть стремилась к сотрудничеству с интеллигенцией, одновременно «перевоспитывая» ее, применяя формы воздействия в спектре от назначения представителей «старой» интеллигенции на высшие государственные должности до арестов и административной высылки тех, кто продолжал новой власти противостоять («философский пароход»). «Красная» интеллигенция привлекалась к подготовке следственных дел на инакомыслящих.

Периодическая печать выступала одним из главных каналов трансляции официальной позиции действующей власти и инструментом формирования общественного мнения. Материалы советской периодики рассматриваются в качестве источника по истории интеллигенции [Шмидт, 1997: 52, 89; Федорова, 1985: 5—9] и привлекают внимание исследователей в рамках изучения различных аспектов проблематики, в частности, подготовки высылки 1922 года [Аблажей, 2011: 22—24], репрезентации в советской прессе образов советской власти [Шалаева, 2011: 46—49; Танцева, 2020: 92—96], творческой интеллигенции [Миронова, 2008: 68—72; Кузьмина, 2009: 297—301]. Вместе с тем комплексное социологическое исследование материалов центральной и региональной печати позволяет добавить к системному изучению истории интеллигенции медиаизмерение, восстановить целостность и хронологию медийного контекста отношений власти и интеллигенции в 1922 году.

Постановка вопроса. Цель настоящего исследования — анализ формирования и эволюции коммуникационной стратегии советской властной элиты в ее взаимодействии с интеллигенцией на основе материалов советской прессы, опубликованных в течение 1922 года.

Источниковой базой стали 640 выпусков газет и журналов за 1922 год. Выборка включала релевантные публикации газет «Правда», «Известия», «Рабочая газета», «Рабочий», «Юношеская

правда», «Призыв» (Владимир), «Звезда» (Пермь), «Зритель» (Одесса); журнала «Крокодил»; «Окна сатиры РОСТА».

Методология и методы исследования

Медиаисследование с помощью методов количественного и качественного анализа содержания медиатекстов позволило выполнить задачи определения основных параметров коммуникационной стратегии советской властной элиты как долгосрочной программы действий в медиaprостранстве [Семенова, Корсунская, 2010: 32—35; Гавра, 2015: 231—232], основных параметров присутствия в медиаполе образа интеллигенции, тематических направлений, в контексте которых обсуждаются отношения власти и интеллигенции, характера оценок в публикациях (положительные, негативные, нейтральные), выявления семантического ядра темы «власть—интеллигенция», частоты и специфики упоминаний ключевых слов.

Основная часть

Тема отношений «власть—интеллигенция» присутствует в советской прессе практически на ежедневной основе. В одном номере центральной газеты может содержаться от 1 до 8 сообщений, в контексте которых затрагиваются вопросы взаимодействия власти и интеллигенции, — от развернутой статьи на первой полосе до кратких анонсов на последних страницах.

Рис. 1. Власть и интеллигенция в советской прессе 1922 года:
тематические направления

Чаще всего отношения власти и интеллигенции обсуждаются в рамках тематического блока «Просвещение и наука», включающего вопросы реформирования системы образования, ликвидации безграмотности, внедрения рабочих факультетов и нового устава высшей школы, сращивания науки с производством и активного противодействия этому со стороны «старой» профессуры, лишенной «живой трепетной революционной современности». Доля соответствующих публикаций составляет 48 % от всего массива текстов. Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала.

«В государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»¹.

«Чтобы ярче понять всю глубину возмущения жрецов чистой математики, надо знать, что один из них, профессор Власов, отказался дать в печать свои труды по геометрии из-за отсутствия буквы ять и ждет свержения Советской власти, после чего, он уверен, благонамеренная буква будет восстановлена в своих правах»².

«Не может же Советская власть мириться с таким положением, когда не взирая ни на какие способности одна только принадлежность к рабочему классу или наличность партийного билета, закрывает путь к преподавательской деятельности»³.

«Чем больше рабфаковцев будет вливаться в вузы, тем скорее они из буржуазных оплотов превратятся в научные крепости, работающие для нужд пролетарской Республики»⁴.

«Нам нужно готовить свою пролетарскую интеллигенцию, способную руководить громадной страной, до зубов вооруженную знанием»⁵.

Второе по частоте упоминаний тематическое направление представляет собой заочную полемику представителей советской и **эмигрантской прессы** (15 %). В частности, в газете «Правда»

¹ Ленин Н. Новая книга // Правда. 1922. № 64. 21 марта.

² Окунев Як. Накипь (очерки нового быта) // Там же. № 38. 17 февр.

³ Тимирязев А. По поводу проведения в жизнь нового устава высших школ // Правда. 1922. № 70. 28 марта.

⁴ Рабочие факультеты // Призыв. 1922. № 116. 10 окт.

⁵ На третьем фронте // Там же. № 121. 21 окт.

рубрика «Из белогвардейской печати» (позже — «По белой прессе») присутствует на регулярной основе, нередко сопровождается карикатурами и сатирическими стихами. Советская властная элита демонстрирует свою осведомленность и пристальное внимание к деятельности белой эмиграции, комментируя новости из-за рубежа день в день. Приводятся цитаты из новейших материалов белых изданий «Последние Новости», «Руль», «Новое Время» и других. Научную интеллигенцию прямо обвиняют в связях с белоэмигрантами: «Профессура бастует по директивам Милюкова». Читателей приглашают к самостоятельным выводам на основе документов: «Пусть любой честный гражданин республики сравнит их и оценит объективно позицию профессуры и дела ее».

Интонация публикаций этого тематического блока иронически-насмешливая, для них характерны фельетонные заголовки («Больные люди», «Трезвый реалист», «Попали по адресу», «Выкрутасы»). В зеркале советской прессы политические оппоненты большевиков выглядят оторванными от реальности ретроградами. Подчеркивается неспособность договориться между собой представителей различных лагерей эмиграции: «Надо полагать, что к тридцатой годовщине революции эмигранты договорятся о наказаниях для ее вождей»⁶. После покушения на П. Н. Милюкова и убийства В. Д. Набокова выходит серия публикаций о расколе в эмигрантских группировках, ликвидирующих одна другую.

Русская эмиграция получает нелестные сравнения. Так, на первой полосе «Правды» читатель видит карикатуру с заголовком «На парижском бульваре». К сидящему на лавочке Пуанкаре подсаживается подписанная как «Российская эмиграция» дама в вольной позе и с сигаретой: «Мущина, душка, пойдем со мной»⁷. Формирование образа продолжает карикатура из юмористического журнала «Крокодил»: «В передовице “Последних Новостей” Милюков пишет: “...Если вот эта эмигрантская демократия громко крикнет: “Мы здесь”, то дело освобождения России сразу подвинется к развязке”. Милюков: — Мы здесь! Рабочий: — Хорошо, что я лупу захватил!..»⁸. От столичных изданий не отставал

⁶ Кольцов М. По белой прессе // Правда. 1922. № 239. 22 окт.

⁷ Дени [В.] На парижском бульваре // Правда. 1922. № 29. 7 февр.

⁸ Карикатура без названия // Крокодил. 1922. № 13 (25). С. 7.

одесский журнал «Зритель»: «Песни о голоде под поклоны берлинских кельнеров. Это кажется господам эмигрантам таким острым: слушать песню о голодной России под аккомпанемент булькающего вина и разрезаемых шницелей»⁹.

Доля публикаций о деятельности **литераторов и работников искусства** составляет 13 %. Их призывают соответствовать времени: «Поэты! Дайте новые песни красным полкам! / Работники искусства! Влейте в духовную жизнь красного солдата новое прекрасное содержание»¹⁰.

«Суздальский “рабис” ставит старые, допотопные вещи, интеллигентское нытье. Пора понять рабису, что новая жизнь требует нового отражения»¹¹.

«Ах, каким непохожим на свой литературный портрет оказался народ!.. Портрет выражал чувствительную благодарность интеллигенции за учительство и готов был итти у нее на помочах до скончания веков, — оригинал предъявил к уплате потные векселя и оказался сугубо неблагодарным, отказавшись дальше кредитовать своим доверием обанкротившуюся интеллигентскую мысль»¹².

Значительная доля печатных площадей посвящены процессу года — суду над эсерами, активистами партии социалистов-революционеров (12 %). Публикуются открытые обличительные письма бывших соратников, карикатуры, обвинения во лжи. В рамках освещения суда над эсерами интеллигент прямо называется убийцей: «Ни у одного рабочего даже члена с-р партии, не поднялась рука на Ленина. <...> Только один человек из всей группы решился послать отравленные пули в тело мирового рабочего вождя. Это была огалтелая мелко-буржуазная интеллигентка Каплан»¹³. За совершенное преступление должна последовать жестокая расплата: «28 тысяч трудящихся Перми требуют суровой кары... Пролетарская рука не дрогнет опустить тяжелую гирю на голову убийц красных вождей»¹⁴.

⁹ *Зильберг, проф.* Берлинские вечера («Ванька–Встанька») // Зритель. 1922. № 1. С. 5.

¹⁰ *П-к Ал. курсант.* К работникам искусства // Правда. 1922. № 40. 19 февр.

¹¹ Ставьте новые пьесы // Призыв. 1922. № 110. 26 сент.

¹² *Окунев Як.* Литература и искусство // Правда. 1922. № 74. 1 апр.

¹³ К процессу эсеров. Кто же она? // Рабочий. 1922. № 81. С. 10.

¹⁴ К суду над правыми эсерами. Отклики // Звезда. 1922. № 123. 7 июня.

«Почему вся выброшенная за границу буржуазная нечисть на стороне эсеров?.. Почему все враги революции за эсеров? Потому, что эсеры за кадетов, за буржуазию, за врагов народа и революции»¹⁵.

Доля анонсов мероприятий и объявлений составляет 6 %. Преимущественно это нейтральные по оценке и краткие по форме сообщения о выходе новых книг, учреждении научных обществ, проведении мероприятий, в т. ч. съездов работников Пролеткульта, работников печати и других.

Следует отметить, что трагическая тема голода широко освещается в советской печати и занимает практически половину всех ее площадей в течение нескольких лет бедствия. Вместе с тем доля публикаций, в контексте которых упоминается деятельность Помгола, созданного в дальнейшем высланными С. Н. Прокоповичем и Е. Д. Кусковой («Прокукиш»), составляет порядка 3 %. Градус обвинений в адрес интеллигентов «на пайках» резко повышают опубликованные на соседних полосах в «Правде» сообщения о случаях каннибализма среди голодающих: «Интеллигенция плохо помогает в борьбе с голодом. Хуже всего медперсонал. Немало шкурничества»¹⁶. В развитии темы главный печатный орган РКП(б) констатировал: «Рабочий класс, отрывающий от своего рта черствый кусок хлеба для жрецов чистой науки, имеет право потребовать от тех, от кого это зависит: — Откройте вентилятор и проветрите ученую каталажку»¹⁷.

«Дама приятная во всех отношениях Е. Д. Кускова, попав из Москвы в эмигрантские захолустья Берлина и Парижа, проследовала прямо с поезда на эмигрантский митинг, где сообщила все столичные сплетни, а заодно и нижеследующие потрясающие вещи: 1) “Большевики — наши дети”. 2) “Октябрьская Революция — национальна”. Переполох в эмигрантской деревне начался невероятный»¹⁸.

Сквозной темой 1922 года становится административная высылка антисоветски настроенных представителей интеллигенции за границу. Информационная кампания в поддержку решения

¹⁵ Эсер и кадет // Рабочая газета. 1922. № 99. 2 июля.

¹⁶ Семашко Н. Интеллигенция и голод // Правда. 1922. № 19. 26 янв.

¹⁷ Окунев Як. Накипь (Очерки нового быта) // Там же. 17 февр. № 38.

¹⁸ Кольцов М. По белой прессе // Там же. № 219. 29 сент.

о высылке в советской прессе проводится в течение всего года. Отметим, что материалы, отражающие кампанию против членов Помгола («Прокукиш»), появляются еще раньше, в 1921 году.

Представители интеллигенции, «помогающие контрреволюции», были высланы из Советской России за границу в соответствии с Декретом ВЦИК об административной высылке от 10 августа 1922 года¹⁹. Однако мы обнаруживаем, что еще в феврале 1922 года в газете «Правда» опубликован «синописис» высылки: «Господа жрецы, мы не можем отказаться от рабфаков. Скорее мы можем отказаться от некоторых черносотенных профессоров, отправив их к Миллюкову в Париж... Неужели в великой тяжбе классов сотня профессорских вицмундиров может иметь какое-либо значение?»²⁰.

В начале 1922 года советская печать объявляет гражданам стратегические задачи (борьба с голодом, восстановление хозяйства, обеспечение права рабочих на образование). В феврале, на фоне профессорских забастовок, аудитории предлагается роль внимательного наблюдателя: «Борьба развертывается. За ней внимательно следят г. г. дирижеры из “Последних Новостей”. За ней будем внимательно смотреть и мы»²¹. В марте появляются сигналы о переходе к более решительным действиям. Публикуется речь В. И. Ленина на XI съезде РКП(б) с говорящим заголовком «Прекращение отступления»²². К концу весны, с приближением международных конференций, формулировки становятся более категоричными в связи с тем, что агенты влияния «эмигрантской буржуазии» могут проявиться: «Но поскольку перед нами симптомы перехода на платформу борьбы с революционной властью, т. е. на платформу контр-революции, постольку наша практика неизбежно должна становиться более жесточайшей»²³.

¹⁹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922. М.: Б. и, 1950. С. 1134.

²⁰ *Сосновский Л.* Заговор касты против рабочего класса // *Правда*. 1922. № 42. 22 февр.

²¹ *Я. Я.* Кадеты за работой // Там же. № 38. 17 февр.

²² XI Съезд РКП. Речь тов. Ленина. Прекращение отступления // Там же. № 71. 29 марта.

²³ Иллюзии контр-революционной «демократии» // Там же. № 108. 17 мая.

В начале июня 1922 г. выходит статья Л. Д. Троцкого «Диктатура, где твой хлыст?»²⁴ (в черновике первоначально — «бич»; зачеркнуто, сверху вписан более яркий фонетически «хлыст»). Статья публикуется за подписью «О»; вместе с тем обращает на себя внимание сигнал соседства материалов: на первой полосе рядом с заголовком статьи — стихи: «Товарищ Троцкий словцо обронит, — убьет человека и похоронит...»²⁵. Целевая аудитория статьи гораздо шире обозначенной в ней персоны: «Представители, защитники, адвокаты и эстеты старого мира в рабочей республике — безродные псы. В этом великолепно прав Блок. ...Хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов убратся за черту, в тот лагерь содержания, к которому он принадлежит по праву...»²⁶.

В июле в «Правде» публикуется критическая статья в адрес авторов журнала «Экономист»: «Сорокин рассматривает массу, как голодную, разнузданную “толпу”, а коммунистическую идеологию трактует, как босяцкую идеологию... Ленин квалифицировал этих господ, как “современных, образованных крепостников”»²⁷.

В конце лета 1922 г. в «Правде» появилась серия материалов, разъясняющих аудитории отношения власти и интеллигенции. В статье «Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитработы» говорилось: «Но было ли в нашей революции самое “изничтожение интеллигенции”? — Ложь, клевета!.. Такого “изничтожения” не было... Что было? Была и есть пролетарская революция. Были, есть и будут жертвы с обеих сторон баррикад. На одной стороне, буржуазной, очень мало пролетарского элемента и очень много буржуазно-интеллигентского; на другой стороне, пролетарской, очень много пролетарского и очень мало интеллигентского. Эти две стороны чуть ли не пять лет как воюют одна с другой. На войне, как на войне»²⁸. В августе главный печатный орган РКП(б) опубликовал заключительную речь одного из руководителей партии Г. Е. Зиновьева на Всероссийской конференции большевиков,

²⁴ О. Диктатура, где твой хлыст? // Там же. 1922. № 121. 2 июня

²⁵ Демьян Бедный. Маленький фельетон. «Желтый билет // Там же.

²⁶ О. Диктатура, где твой хлыст? // Там же.

²⁷ Бубнов А. Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитработы // Там же. № 166. 27 июля.

²⁸ Почти на дне (о последних выступлениях М. Горького) // Там же. № 158. 18 июля.

которая содержала следующее заявление: «“Академическая” агитация идет параллельно с базарной контр-революционной агитацией в Петрограде, в Москве, Екатеринбурге. В этих институтах ведется систематическая контр-революционная работа. И мы такие институты закрывали, и будем закрывать»²⁹. По докладу Зиновьева была принята резолюция: «Партийным организациям в настоящее время необходимо проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр., и т. п. По отношению к действительно беспартийным элементам из среды представителей техники и науки, учителей, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в самых основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота, необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество. <...> Вместе с тем нельзя отказаться от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимобеспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...»³⁰.

18 августа публикуется Постановление ВЦИК об административной высылке:

«1) В целях изоляции лиц, причастных к контр-революционным выступлениям... установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке...»³¹

Отвечая на вопросы Луизы Брайант-Рид (International News Service, США), Л. Д. Троцкий говорит о реституции: «Рабочий класс отнял у капиталистов им же, рабочим классом, созданные богатства. Поэтому ожидание возвращения иностранным капиталистам их бывшей собственности нелепо». В этом же интервью Троцкий говорит об административной высылке — по логике интервью, того «богатства», которое создано не рабочим классом, креатуры возвращаются их создателям. Именно темой высылки Троцкий завершает разговор. Два решения — расстрельный приговор эсерам и высылка интеллигенции — обсуждаются рядом и

²⁹ Всероссийская конференция РКП. Заключительное слово т. Зиновьева // Там же. 1922. № 178. 10 авг.

³⁰ Всероссийская конференция РКП. Резолюция по докладу т. Зиновьева // Там же.

³¹ Действия и распоряжения правительства // Известия. 1922. № 185. 18 авг.

«уравновешивают» одно другое: «Если бы мы догадались сейчас после октября выслать господ эсеров за границу, мы избавили бы вас от необходимости возмущаться нашей жестокостью... Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, — а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, — все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту пред общественным мнением»³².

Подробно разъясняются мотивы решения о высылке.

«Петроградское отделение Г.П.У. произвело за последние дни ряд арестов среди профессоров, литераторов и врачей группировавшихся, главным образом, вокруг журналов “Экономист” и “Утренники” и Дома литераторов. Все эти лица были арестованы за контр-революционную деятельность... тов. Зиновьев заявил: “...По отношению к буржуазным интеллигентам мы приняли суровые меры, мы их высылаем и говорим: «Идите в страны “свободы”, где, по вашему мнению, интеллигенция в почете и фаворе. Там вы сможете служить тому капиталу, который вам так мил и дорог»... Аресты и высылки не означают, что мы объявили войну интеллигенции. Мы заявляем, что всякий интеллигент, кто бы он ни был, раз он хочет работать вместе с нами, будет нами братски принят»³³.

«Для рабочих и крестьян всё это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию... Когда существовали фронты, эти группы интеллигенции... старались вредить Советской власти... И этим самым они выставили свои кандидатуры на заграничную командировку. Эта высылка контр-революционных элементов, которые воображали, что при НЭПе им будет позволено идейно подготовить

³² Беседа тов. Троцкого с американской журналисткой // Правда. 1922. № 193. 30 авг.

³³ К высылке контр-революционной профессуры // Там же. 1922. № 194. 31 авг.

контрреволюционный переворот, покажет ясно им и остающимся их коллегам, что они ошиблись в своих расчетах. Принятые Советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждали, когда, наконец, эти идеологи врангелевщины и колчаковщины будут выброшены с территории РСФСР»³⁴.

«В университетах сидят “светочи науки”, которые продолжают борьбу с рабоче-крестьянской властью... Произошла октябрьская революция. Что же сделали так называемые светочи науки? Часть из них бежала за границу, а часть заперлась, как в бастионах, в стенах своих ученых и научных учреждений и обществ... Что дали за пять лет научные силы рабочим и крестьянам? Когда рабочие голодали, рабоче-крестьянская власть из своих скудных средств все же выделяла несколько тысяч академических пайков. Пусть каждый ученый, беря в рот кусок данного ему хлеба, спросит себя сам, что же он дал рабоче-крестьянской России?»³⁵.

Сатирические издания представляют интеллигентов перебежчиками и оценивают высылку как справедливую и полезную меру: «Возвращающийся в Россию из-за границы интеллигент (обращаясь к носильщику). — Почему вы так медленно ходите? — “За вами не поспеть, вы, ведь с 1918 года в бегах”!..»³⁶.

«В Нижнем на Ярмарке... — Это что за фигура? Порнографические открытки продает? — Нет, не открытки... От “России № 2” представитель... — Вот, вехи сменяем, вехи-и!..» // «Наши объявления: Интеллигентный пожилой писатель желает облить грязью Советскую Россию. Согласен в отъезд за границу»³⁷.

«Сладко за морем синице, / Климат питерский суров... / Быстро движутся к границе / Тридцать шесть профессоров. // Тридцать шесть! Число изрядно... / Сколько ж их, в конце-концов, / Этих Петро-ретро-градно / Нэпо-мерных мудрецов?.. // Едут, едут в чистом поле, / Языками — “бу-бу-бу”... / Скучно, скучно поневоле / Без

³⁴ Первое предостережение [Передовица] // Там же. № 194. 31 авг.

³⁵ Н. П. «Светочи науки» // Там же. 1922. № 195. 1 сент.

³⁶ В бегах // Рабочая газета. 1922. № 99. 2 июля.

³⁷ Наши объявления // Там же. 1922. № 123. 30 июля.

пайков из Цекубу! / Очень скучно – и обидно: / “Спец-оклады” – ау!..
/ Нэп нас водит за нос, видно, / Да приводит в Г.П.У!..»³⁸.

«Унылы и сконфужены, / На грани двух миров / Стоят —
дрожат три дюжины / Седых профессоров <...> // Вы быте остра-
кизмами / А мы взамен того — / Sensациями, клизмами. / Посмот-
рим, — кто кого? // Позор тебе, Республика! / А нас — Европа
ждет! / Но странно: что за публика / На встречу-то идет...»³⁹.

«Нынче — от революционного ль перепуга, / Иль от иного
какого недуга, / Старая интеллигенция, впавшая в мистику, / Верит
во всякую ерундицику...»⁴⁰.

«В том то и дело, читатель, что я рассказываю о собрании
происходившем не в Берлине, а в Москве, привожу изречения не
эмигрантов, а петроградских профессоров-гастролеров... <...>
Нужно просить не МК РКП, а Внешторг: Пусть он поскорее от-
правит эти “музейные редкости” за границу, в обмен на что-ни-
будь полезное для советской республики!»⁴¹.

После начала высылки возмущенный тон публикаций сохра-
няется: читатель узнает об антисоветской деятельности высланных,
которая продолжается теперь уже за границей, при поддержке бе-
лоэмигрантов: «В этот капиталистический “рай”, где беспре-
станно проливается кровь рабочих, приехали выгнанные из России
“профессора”, о которых белая печать пишет, как о невинных
жертвах Советской власти... Хороши “невинные жертвы”. Совет-
ская власть знает, что она делает. У нее хозяйственных хлопот пол-
лон рот, чтобы нянчиться с белогвардейской профессурой»⁴².

«Вышвырнутый за границу в числе прочих белых интеллиген-
тов небезызвестный “социолог” Питирим Сорокин повествует нынче
в “Руле” о том, что в отношении “будущей России” он готов ограни-
читься “примитивным демократическим строем”; “надо начать с того
режима, который был приблизительно в царствование Александра III”.
... Уншлихт, стоишь ты упрека, / Хоть люблю тебя зело: / Ну, зачем

³⁸ Гр. Примечания к накладной // Крокодил. 1922. № 2 (14). 3 сент. С. 4.

³⁹ Без автора. Без названия // Там же. № 3 (15). 10 сент. С. 6.

⁴⁰ Демьян Бедный. Ясновидящая // Там же. № 9 (21). 22 окт. С. 2.

⁴¹ Который был. Демонстрация мощей // Там же. № 18 (30). 24 дек.
С. 492.

⁴² Телескоп. Обзор печати // Правда. 1922. № 239. 22 окт.

такую птицу / Ты спровадил за границу? / Будет Горький нас винить,
/ Про культуру нам бубнить: / — Не в Берлине б этой птице, / А в со-
ветской быть столице, / С чистым зернышком в зобу, / На учете в Це-
Ку-Бу...»⁴³.

*Рис. 2. Власть и интеллигенция в советской прессе
1922 года: характер оценок*

Негативные оценки деятельности интеллигенции преобладают (52 %). Публикации с положительными оценками занимают наименьшую долю (20 %) и описывают желаемую модель поведения «нашего» интеллигента: сообщается о проведении благотворительных мероприятий, передаче гонораров за спектакли и книги в пользу голодающих, о нужных и полезных для аудитории лекциях, которые «стоит повторить на фабриках и заводах».

В самом начале года задается высокая ценностная планка, в сравнении с которой в течение следующих месяцев можно отслеживать развитие отношений власти и интеллигенции по нисходящей. Статья в память И. П. Гольденберга (псевдоним «Мешковский») описывает эталон интеллигента для Советской Республики и содержит квинтэссенцию истории отношений пролетариата и интеллигенции:

⁴³ Демьян Бедный. О Питириме белобоком, об Уншлихте жестоком и о тетереве культурном на токовище литературном // Там же. № 242. 26 окт.

«Эти интеллигенты были акушерами нашей сознательной жизни. Они воспитывали нас, учили и шли вместе с нами до самой могилы... Под обаянием того или иного интеллигента-пропагандиста мы жили за станками в заводе целую неделю до следующего кружкового занятия, разбирая положения Маркса-Энгельса. Всю интеллигенцию в наших рядах мы боготворили... Вот пятый год [1905]. Подъем. Маневры на революцию. За ним шестой [1906]. И разлив реакции. А с ним и отход из наших пролетарских рядов большей части интеллигенции. И в эту трудную годину мы, встречая в наших рядах дорогого товарища Мешковского, всегда смягчали свои обозленные души и меньше бросали проклятий по адресу ушедшей от нас интеллигенции. Среди нас все же остались те редкие интеллигенты... Они не поспевают за вами молодыми потому только, что их физические силы потрачены на борьбу пролетарскую, на тюрьму, ссылку. На спинах этих товарищей казацкой нагайкой написана вся история нашей партии»⁴⁴.

Ролевые модели интеллигентов, с которыми советская власть готова и желает работать вместе, получают поддержку, в том числе институциональную: «“Дом ученых” при Цекубу <...>, несомненно, явится мощным культурным центром..., который спаяет в одно компактное целое разрозненную и немногочисленную семью ученых работников РСФСР. И в этой культурной миссии — главное значение дома для страны — это как бы фокус интеллектуальной деятельности, сконцентрированный мозг страны»⁴⁵; «Раньше интеллигенция шла под белое знамя, а теперь раскололась, и большая часть идет за нами»⁴⁶.

Семантический анализ позволил определить семантическое ядро исследуемых релевантных публикаций СМИ совокупным объемом 100.000 символов.

Ключевые слова по убыванию частотности (Топ-30)	Количество упоминаний
Революция, советский, профессор, интеллигенция, наука	120—128
Рабочий, власть, буржуазный	105—116

⁴⁴ *Мальшев С.* Не стало редкого интеллигента // Правда. 1922. № 4. 5 янв.

⁴⁵ Дом ученых // Там же. № 158. 18 июля.

⁴⁶ В. Маяковский // Главполитпросвет. 1922. № 453.

Работа, политический, школа, ученый, партия, студенчество	63—84
Эмиграция, эсеры, крестьянин, класс, контр	50—58
Рабфак, Помгол, пролетариат, идеология, сменовеховство	40—45
Кадетский, культура, группы, борьба, каста, университет	25—39

Результаты семантического анализа отражают острый конфликт как главную модель коммуникации власти и интеллигенции — столкновение взглядов, укладов, сословий, классов, партий, речевых моделей, темпов. Маркерами конфликта также выступают «контр-революция», «борьба». Предмет конфликта — власть, контроль над идеологией, культурой, наукой, школой, влияние на молодежь, студенчество. Борьба за власть происходит между сторонами, прямо названными и упоминаемыми в публикациях практически в равном объеме, — это «профессор», «профессура», «интеллигенция», с одной стороны, и «рабочий», «пролетариат», «крестьянин», с другой. Формируется четкий образ врага, который не дает рабочему классу учиться.

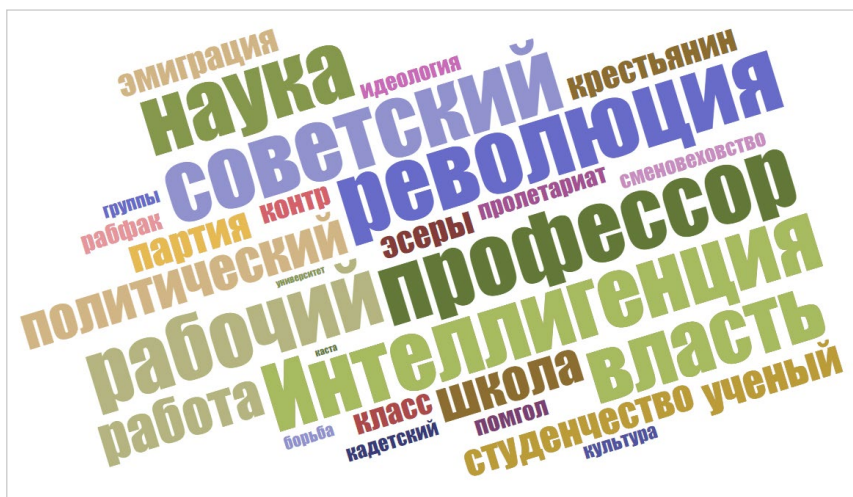

Рис. 3. Власть и интеллигенция в советской прессе 1922 года: облако ключевых слов

Часто упоминаемая лексема «работать» иллюстрирует мобилизационный тон советской прессы. Читательская аудитория видит дихотомию «мы—они», разделение на тех, кто работает и помогает работать, и тех, кто этой работе вредит. Соотношение местоимений «мы» и «они» по массиву текстов составляет 1:1. В частности, медиаобраз студенчества тоже не является монолитным и свидетельствует о еще одном уровне конфликта: между «белоподкладочниками», «маменькиными сынками» — и «рабфаковцами», «новой студенческой волной в синих блузах и красноармейских гимнастерках».

Обсуждение результатов

Коммуникационная стратегия советской властной элиты, отраженная в материалах прессы, характеризуется как наступательная в кризисных условиях. Стратегической целью является победа в борьбе за прочную легитимную власть. В ходе обличения оппонентов выполняется обязательное условие рациональной аргументации, подтверждаемой первоисточниками, цитатами, фактами, статистическими данными, в совокупности обеспечивающими рост доверия аудитории. Коммуникационную стратегию можно также охарактеризовать как стратегию убеждения, на разных стадиях побуждающую читателя к анализу аргументов, к выводам и действиям.

Внутри целевой аудитории как адресата коммуникации можно выделить два больших сегмента — внутреннюю и зарубежную аудитории читателей, единомышленников, потенциальных единомышленников и оппонентов. «Своих» необходимо информировать, направлять, мобилизовывать, подтверждая верность их выбора в пользу советской власти, которая, прежде всего, справедлива. «Чужим» адресованы сигналы о бдительности и высокой информированности советской власти, а ее предложения о сотрудничестве — тем, кто к этому готов; предупреждения — всем прочим.

В качестве инструментов коммуникационной стратегии используется широкий спектр речевых тактик [Емельянов, 2018: 12—13], экспрессивные лексические и синтаксические приемы, образные эпитеты, метафоры, повторы, восклицания. Стиль допускает иронию, сарказм, просторечные выражения. Эмоциональность обличительных статей выглядит ярче и острее на фоне сухости остальных материалов. Примечательно также обильное использование кавычек — не только для цитирования, но и для того, чтобы

показать условность, «заумь» терминов оппонентов, несоответствие истине их сообщений.

Образ советской власти четко ассоциирован со следованием нормам морали, с ценностями справедливости, честности, открытости к критике и самокритике (рубрика «Наши недостатки» и ее аналогии), — это образ, «полный революционного достоинства».

Ясность, четкость, понятность как характеристики языка советской прессы становятся условием существования какого-либо образа на ее страницах. Импрессионизм, полутона в этом пространстве исключены. Неясность, расплывчатость таких терминов как «интеллигенция», «профессура», «студенты» — делает их несамостоятельными, требующими определения. В медиаполе функционирует семантическая оппозиция «свой—чужой» [Михалева, 2009: 78—80]. Сам по себе термин «интеллигент», скорее, не заслуживает доверия читателя советской печати и нуждается в маркировании. «Своя» интеллигенция — красная, новая, молодая рабочая, полурбочая и полукрестьянская, новые спецы. «Чужая» интеллигенция — белая, старая, буржуазная, буржуазно-демократическая, мелкобуржуазная, контрреволюционная, эмигрантская. Используются эпитеты «старые спецы», «чистая публика», «ученая каста», «черносотенная каста», «жрецы «чистой» науки», «ученые гуси», «московские агенты Милокова», «идеологи “мягкой” контрреволюции», «потенциальные военно-политические агенты врага», «внутренний враг, обходящий нас с тыла».

До читателя доводятся эпитеты, которыми белоэмигрантские издания наделяют рабочих и советскую власть в целом: «кремлевские диктаторы», «жандармы в стенах высшей школы», «рабфаки — явление чисто полицейское», «большевистский ад» (ответом в советской прессе служит «капиталистический “рай”»).

Отношения власти и интеллигенции характеризуются как «коллизия», «драма», «борьба», «комедия борьбы за автономию высшей школы», «направляемый из Парижа заговор ученой касты против насущнейших интересов рабочего класса», «враждебный натиск на фронте просвещения», «покушение профессоров отнять у рабочих доступ в высшую школу».

Доля негативных оценок в адрес интеллигенции преобладает (52 %). При этом в публикациях отмечается, что большинство интеллигентов советскую власть поддерживают. Обращения подчеркивают

социальную принадлежность: с негативными коннотациями используются «профессор», «госп. профессор», «госпожа», «дама», которые упоминаются рядом с противопоставлением «товарищ» («тов.»).

Главной темой 1922 года, в контексте которой обсуждается взаимодействие власти и интеллигенции, является «Просвещение и наука» (48 %), что также соотносится с данными повесток заседаний Политбюро ЦК РКП(б): в течение года состоялось 80 заседаний, на 66 из которых рассматривались вопросы образования и науки, полномочия Наркомпроса, положение высшей школы, статус научных работников, организация рабфаков, проекты правил об объединениях и собраниях научных работников вузов, о студенческих обществах и собраниях, проблема антисоветских группировок среди интеллигенции, ликвидация Помгола и высылка за границу⁴⁷.

Заключение

Сторонники сужать отношения власти и интеллигенции до сатирической модели «Швондер — Преображенский» нередко упускают, что сатира известного литературного произведения распространяется на всех его героев, включая последователей недальновидной позиции «не читать советских газет». Советская пресса предлагает богатый материал, позволяющий в том числе реконструировать коммуникационную стратегию большевиков в их взаимодействии с интеллигенцией.

1922 год становится периодом трансформации данной стратегии: советская властная элита переходит от предложений интеллигенции сотрудничать во благо страны к репрессивным мерам. Сигнал предостережения в адрес инакомыслящей интеллигенции становится лейтмотивом публикаций.

Конфликт власти и интеллигенции в зеркале советской печати представлен не только как идеологическое противостояние, но также как борьба поколенческая: между старым, сложным, неоднозначным, меланхоличным, медленным, с одной стороны, и молодым, доступным, понятным, оптимистичным и энергичным, с другой. Неизбежность и естественность победы молодой энергии должна выглядеть очевидной для читателя. Реализация

⁴⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Т. I. 1919—1929. М.: РОССПЭН, 2000. С. 143—200.

коммуникационной стратегии способствует укреплению легитимности и справедливости решений советской власти в восприятии своих граждан, а также для зарубежной аудитории, развитие экономических связей с которой является одной из приоритетных задач большевиков.

Контекстом трансформации коммуникационной стратегии становится укрепление структуры Центрального Комитета РКП(б), создание Главлита, одного из главных органов системы советской политической цензуры, открытие государственных издательств, формирование Агитпропотдела ЦК — единой централизованной системы партийных и подчиненных им государственных агитационно-пропагандистских органов, охватывающих все уровни управления. Решения Политбюро ЦК о той или иной информационной кампании в печати спускаются по вертикали — от центральных печатных органов до уездных, волостных, городских редакций.

Результаты настоящего медиаисследования могут быть полезны в ходе сравнения с результатами исследований других периодов отношений власти и интеллигенции [Хлопаева, 2023: 331—349], а также при сопоставлении с выводами дальнейших исследований коммуникационной стратегии, реализуемой в белогвардейской прессе.

Список источников

- Аблажей Н. Н.* Советская и эмигрантская периодическая печать о высылке интеллигенции из советской России в 1922 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 11. С. 20—26.
- Гавра Д. П.* Категория стратегической коммуникации: современное состояние и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3. С. 229—233.
- Емельянов С. М.* К вопросу о типологии стратегических коммуникаций и сферах их применения // Петербургская школа PR: от теории к практике: сб. ст. / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 9—18.
- Кузьмина В. М.* СМИ и отражение деятельности творческой интеллигенции в период форсированной индустриальной модернизации в СССР (на основе ретроспективного анализа центральной и региональной печати 1920—1940-х годов) // Интеллигенция в мире современных коммуникаций: сб. ст. по материалам X Междунар. теор.-метод. конф., Москва, 2 апреля 2009 г. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2009. С. 297—306.

- Миронова Н. А. Образ «старой» творческой интеллигенции в советской прессе первого послеоктябрьского десятилетия (1917—1927 гг.) // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 67—77.
- Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
- Семенова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М.: Ин-т социологии РАН, 2010. 324 с.
- Танцевова А. В. Репрезентация образа советской власти в печати в 1920-е годы (на материалах журнала «Огонек») // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 92—98.
- Федорова О. П. Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции Москва: Изд-во Москов. ун-та, 1985. 118 с.
- Хлопаева Н. А., Хлопаева М. Е. «Философский пароход» в отечественных СМИ: 100 лет спустя // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 2. С. 331—349.
- Шалаева Н. В. Репрезентативные задачи власти и советская печать 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2. Ч. 1. С. 45—52.
- Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. 612 с.

References

- Ablazhey, N. N. (2012), 'Soviet and emigrant periodicals on deportation of intelligentsia from soviet Russia in 1922', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya* [Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya], vol. 11, iss. 11: 20—26.
- Fedorova, O. P. (1985), *Zhurnal'naia publitsistika 20-kh godov kak istochnik po istorii sovetskoi intelligentsii* [Journalistic Publicism as a Source on the History of Soviet Intelligentsia in the 1920s], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Gavra, D. P. (2015), 'Strategic Communication: Modern Definition and Basic Principles', *Vek informatsii* [Age of Information], no. 3: 229—233.
- Emelyanov, S. M. (2018), 'On the issue of the typology of strategic communications and areas of their application', in Krivonosova, A. D. (ed.), *Peterburgskaia shkola PR: ot teorii k praktike: sbornik statei* [On the typology of strategic communications and their application: collection of articles], Izdatel'stvo SPbGEU, Saint Petersburg, Russia: 9—18.

- Khlopaeva, N. A. and Khlopaeva, M. E. (2023), “‘The Philosophical Steamer’ in the domestic media: 100 years later”, *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], vol. 24, no. 2: 331—349.
- Kuzmina, V. M. (2009), ‘Media and reflection of the activities of the creative intelligentsia during the period of forced industrial modernization in the USSR (based on a retrospective analysis of the central and regional press of the 1920s—1940s)’, in Toshchenko, Zh. T. (ed.), *Intelligentsiia v mire sovremennykh kommunikatsii: sbornik statei po materialam X Mezhdunarodnoi teoretiko-metodologicheskoi konferentsii* [Intelligentsia in the world of modern communications: a collection of articles based on the materials of the X International Theoretical and Methodological Conference], Moscow, Russia, 2 April 2009, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow: 297—306.
- Mikhaleva, O. L. (2009), *Politicheskii diskurs: spetsifika manipulativnogo vozdeistviia* [Manipulative Influence in the Political Discourse], Librokom, Moscow, Russia.
- Mironova, N. A. (2008), ‘Image of the “old” creative Intelligentsia in the Soviet press of the first post-October decade (1917—1927)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 67—77.
- Semenova, A. V. and Korsunskaya, M. V. (2010), *Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniia* [Content analysis of the media: problems and experience of application], in Mansurov, V. A. (ed.), Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia.
- Shalaeva, N. V. (2011), ‘Representative tasks of power and the Soviet press of the 1920s’, *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], vol. 11, iss. 2: 45—52.
- Shmidt, S. O. (1997), *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniiu i istoriografii* [The Historian's Path: Selected Works on Source Studies and Historiography], Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Tantseva, A. V. (2020), ‘Representation of the image of Soviet Power in the press in the 1920s on pages of the weekly Ogonyok’, *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia* [Humanities and law research], no. 1: 92—98.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Н. А. Хлопаева — кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела сопровождения научных проектов, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского (Академия Достоевского), Санкт-Петербург, Россия.

М. Е. Хлопаева — кандидат юридических наук, помощник депутата Государственной Думы ФС РФ, Москва, Россия.

N. A. Khlopaeva — Candidate of Science (Sociological Sciences), Scientist Researcher, Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (Dostoevsky Academy), Saint Petersburg, Russia.

M. E. Khlopaeva — Candidate of Science (Juridical Sciences), The State Duma, The Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia.